

Максим Лазутин

Затишье перед
бурей

Максим Лазутин

Затишье перед бурей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70898155

ISBN 9785006424869

Аннотация

Прошло три месяца с тех пор, как придворный чародей попытался убить князя и поставить на его место одного из верных сотников. За это время колдун овладел черной магией, при помощи которой вернул к жизни тяжело раненого воина, найденного его людьми в лесу. Однако все имеет свою цену.

Содержание

Глава 1	16
Глава 2	26
Глава 3	33
Глава 4	43
Глава 5	54
Глава 6	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Затишье перед бурей

Максим Лазутин

© Максим Лазутин, 2024

ISBN 978-5-0064-2486-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Максим Лазутин

Затишье перед

Пролог

Барон Брейв проклинал про себя тот момент, когда его кто-то потянул за язык высказаться на собрании лордов Вуд-

лендса. Он был владельцем мелкого лена в центре королевства, единственным бедствием которого мог быть неурожай или нападение шайки бандитов. От Брейва не ждали никаких активных действий, все думали, что он, как обычно, подстроится к обстановке. Но он решил поразить всех, высказался решительно и жестко.

– Итак, – устало произнес король Генри, – вы, милорды, хотите сказать, что положение Долины в мире восстанавливается после того, что устроили там наши союзники?

– Именно так, ваше величество, – ответил один из лордов, – деревни потихоньку отстаиваются, дружина пополняется. Уже через пару лун положение может прийти к первоначальным показателям. В лучшем случае.

– Немыслимо, – вскинул брови третий лорд, – Наши кузнецы-оружейники и бронники работают почти на износ, но все стараются покупать оружие и броню у Долины. Если так и будет продолжаться, наша сталь станет дешевле морского песка.

– Хуже, лорд Блейд, – сказал король, – это почти обесценит наши роялы. Нужно что-то делать с этой Долиной.

– Нужно убедить остальных в том, что Долина не способна справиться с собственными проблемами. Это отвернет возможных покупателей и союзников.

– И у вас есть идеи, барон? – удивился король.

Брейв сник, но отступать было некуда – если он сейчас откажется от своего же предложения, это окончательно об-

рушит его положение среди знати.

– Кажется, да, ваше величество, – начал он неуверенно, – как я помню, наш союзник, придворный маг тамошнего князя, все еще жив, хоть и находится в ссылке. Если удастся с ним выйти на связь, мы сможем нанести удар по Долине, что ослабит ее.

– Один маг против целой дружины? – изумился лорд Блейд, – Безумие.

– Не совсем так, ваша милость, – ответил барон, – помимо него в местности, под названием Могильник находится так называемая «Черная дружина» – ссыльные воины и каторжники, которых не могут содержать в темнице, но и не могут казнить. Они вынуждены искупать вину кровью, сражаясь с местными чудовищами.

– И, кажется, все они ненавидят князя, – полу-утвердительно сказал король.

– Да, ваше величество.

– Отлично, барон. Вот вы этим и займетесь. Собрание окончено.

«И вот теперь я вынужден тащиться, боги знают куда, – ворчал мысленно барон, – чтобы встретиться в этом проклятом месте, кишашем злобными тварями, с магом, который мог десять раз погибнуть или сойти с ума. А ведь мог бы спокойно следить за леном, подстроившись под общее направление собрания»

Рядом с ним шагало сопровождение, состоящее из вои-

нов в чешуйчатых доспехах с алым плащом на спине. У каждого из них на поясе висел корд, а в левой руке находился стальной щит с тремя саблями на алом поле – гербом королевства. Вокруг всей процессии тянулся бескрайний заснеженный распадок, протянувшийся между двух рядов высоких холмов. Слева холмы почти закончились, частично обнажив то, что когда-то могло быть редколесьем. Сейчас же из снега торчали только голые стволы деревьев. Барон пытался представить, как в мае – августе эти деревья покрываются густой листвой, но вспомнив то, что он слышал про эту местность, решил, что вряд ли в ближайшее время эти края покроются зеленью.

«Скорее всего, – подумал Брейв, – даже в теплое время года эти деревья так и останутся тут торчать, словно скелеты висельников, надгробья – живое напоминание того, что ждет каждого человека».

Тем временем, небо уже стемнело. Даже днем оно было хмурым, сейчас же над северной окраиной Могильника сгустился почти непроглядный мрак.

– Привал, – скомандовал он сопровождающим его воинам, – найдите место, где можно разбить лагерь. И добудьте кто-нибудь хворост. А то мы тут замерзнем.

Воины начали расчищать сугробы по бокам от тропы, одни искали более или менее ровное место, где можно установить палатки, другие – разгребали снег в поисках хвороста, чтобы развести костер. Сам же барон смотрел вдаль, раз-

мышляя о предстоящем пути.

«Согласно имеющейся информации, – размышлял он, – маг должен жить где-то в глубине, в одной из пещер. Обычно „Черную дружину“ не выпускают за пределы Могильника. Его же, видимо, поселили так глубоко, чтобы вовсе исключить вероятность побега».

– Ваша милость, – доложил рослый сержант, – все готово. Осталось только развести костер.

– Отлично, – выдохнул Брейв, – хоть отдохну после этого перехода через все Долину.

Когда барон в сопровождении сержанта дошли до разбитого лагеря, Брейв увидел, что костра нет, и негодуяюще вззрился на солдата.

– Где костер? – подошел барон вплотную к сержанту, – Я спрашиваю: где костер, воин?!

– Я послал одного из солдат за хворостом ваша милость, – ответил тот невозмутимо, выдержав взгляд, – здесь не так много деревьев, из-под которых можно было бы набрать хворост. Скоро должен вернуться.

– Надеюсь, – проворчал барон, немного успокоившись, – это в твоих же интересах, сержант. Если что-то пойдет наперекосок, по возвращению в столицу, ты отправишься охранять городские ворота. В лучшем случае.

Воин лишь молча, приложил сжатую в кулак ладонь к левой стороне нагрудника, не сказав ни слова, развернулся и пошел к своим солдатам. Однако, пробыл он там не дол-

го. Вскоре он быстрым шагом подошел к Брейву в сопровождении бледного, как простыня, солдата. У бойца бегали из стороны в сторону глаза, а на лбу выступила испарина. К тому же, сам солдат выглядел так, будто вот-вот рухнет без чувств или растечется бесформенной лужей по снегу. Барон хмуро посмотрел на сержанта.

– Ваша милость, – ответил тот на взгляд Брейва, – это солдат, которого я посылал за хворостом.

– Боги, вид у него такой, словно за ним гнались демоны со всего Андерелма. Что тебя так напугало, солдат?

– В-ваша м-милость... с-сэр, – начал боец, заикаясь, – я иск-кал хв-ворост и р-разгребая снег на-ашел с-сухие ветки.

– И что? – озабоченность барона сменилась раздражением, – Они напали на тебя?

– Нет, сэр, – боец немного успокоился, однако, все еще часто дышал. – Я поднял их, а под ними оказалась яма.

– Подумать только, – закатил глаза Брейв, – мы испугались какой-то ямы. Откуда ты пришел в армию, боец?

– Северные нагорья, сэр.

– Я думал, там и не такое видели. Сержант, бойцу выдать еля, чтобы успокоился, выстави дежурство, и объявляй отбой.

– Хорошо, ваша милость.

Когда барон подошел к палатке, он лишь раздраженно фыркнул.

«Экий впечатлительный солдат, – подумал он, – испугался

обычной ямы. Вот если бы он увидел упыря или духа... Надо будет его по возвращении перевести в писари. А то еще, чего доброго, в бою упадет от вида крови».

Брейв не придавал этому значения, и это было его большой ошибкой.

Путь до пещеры, где, по слухам обитал маг, занял еще почти пять дней. На рассвете шестого дня барон и сопровождающие его солдаты наконец пришли к пещере. Едва зайдя внутрь, Брейв увидел несколько очагов. Один из них горел вполне обычным желтым пламенем, а вот в еще двух или трех было полупрозрачное лиловое. От одного его вида барону стало не по себе – он не мог представить себе, что могло бы дать такой оттенок. На стенах и своде пещеры светилось нечто точно такого же цвета, доводя жуть до предела возможного. Самым жутким было то, что находилось в центре пещеры – на каменном столе лежало тело.

«Даже думать не хочу, что за дела здесь делает этот маг, – оторопело подумал барон».

Войдя еще немного вглубь, Брейв вежливо прокашлялся, привлекая внимание. Навстречу ему вышел старик, возраст которого невозможно было определить, на нем была старая и, судя по всему, давно не менявшаяся мантия, на лице старика росла всклокоченная борода, по клиновидной форме которой можно было предположить, что некогда она была достаточно ухоженной.

– Кто вы? – напряженным голосом спросил хозяин пеще-

ры.

– Я – барон Брейв из Вудлендса, – ответил барон, – имею ли я честь разговаривать со Световидом?

– Я уже несколько лун не слышал этого имени, – прокричал старик.

– По нашим сведениям он должен жить в этой пещере. Если он умер, то я пойду на выход из этого проклятого богами места.

– Он перед вами, – рассмеялся хозяин.

– Великолепно, – сказал Брейв, – тогда слушай внимательно, маг. Его величество король Генри дает тебе второй шанс. Нужно всего лишь сделать то, что у тебя не получилось три месяца назад. В случае, если преуспеешь, попробуем тебя вытащить.

– А если нет? – прищурил глаза Световид.

– Лучше не думай об этом, – отрезал барон.

– Подведете под казнь? – не сдавался волхв, – Тогда вынужден вас огорчить. У вас не хватит доказательств, чтобы представить все так, будто я собирался разрушить саму общину. Да и вряд ли казнь может быть страшнее осознания того, что когда твои силы иссякнут, одна из местных тварей убьет тебя.

– Ты слишком высокого мнения о себе, маг, – рассмеялся Брейв, – ты персона не того уровня, чтобы на тебя тратили время, собирая доказательства и согласуя действия с местными тайными службами. Подобных тебе лиц ждет быстрая

и бесславная смерть от кинжала.

– Намек понял, – буркнул старик, – У вас все?

– Да, – ответил барон.

– Тогда прошу не отвлекать меня от работы.

– Всенепременно, – обозначил кивок головы Брейв, – помни, маг, провалишься – и за твоей головой прибавится охотников.

– Не пугай меня, барон, – процедил Световид, – прежде, чем ваши охотники за головами получают мою, им нужно будет до нее добраться. Я бы посмотрел, сколько ваших убийц проберется через полчища злобных духов и восставших из могил мертвецов. Нечисть – не люди, если не знать, как с ней бороться, можно жестоко поплатиться за самоуверенность.

– Мы следим за тобой, маг, – елеиным тоном проговорил барон, после чего удалился из пещеры вместе с сопровождавшими его воинами.

Едва гости ушли, колдун вернулся к каменному столу, на котором лежал принесенный несколько месяцев назад воин. Когда ратники тайными тропами доставили несчастного в пещеру, тот был в плохом состоянии – кисть на правой руке почти отсутствовала, а сам воин часто впадал в забытье, зависнув где-то на середине Калинова Моста, разделяющего мир живых с миром мертвых.

Световиду удалось немного перетянуть дух обратно в тело, но часть души, хранящая воспоминания, так и осталась

по ту сторону Смородины. Обряд, проведенный волхвом, сказался и на внешности воина. И без того бледная от потери крови кожа стало пепельно-серой, жилы в глазах лопнули от напряжения, превратив глаза в два кровавых шарика, а зрачки заняли всю радужку, сделав ее черной. Пострадавшую кисть пришлось заменить, прирастив с помощью чар латную перчатку, предварительно очищенную от грязи и черной крови упырей. Дыхание воина выровнялось, хоть и было не очень глубоким. Снадобья из трав сделали свое дело – тело перестало увядать, хотя прежнюю форму ему вернуть не удалось. Оставался последний мазок кисти – срастить тело и остатки духа.

Волхв произнес заклинание, и вся пещера озарилась лиловым светом. Лежащий на столе воин застонал, это значило, что срастить удалось, но связь по-прежнему была не прочной. Произнеся еще одно заклинание, Световид добавил в тело дополнительный, но слабый, разум. Он был способен лишь управлять мышцами и прочими жизненно важными частями тела. Но была у этого разума потайная лазейка, которую чародей, намеренно или нет, добавил туда – в случае, если разум начнет отклоняться от заложенного пути, «телесный» разум перехватит управление, отрезав дух от тела.

– По крайней мере, – проговорил Световид, – это не позволит ему напасть на меня или пойти против меня другим способом. Но об этом позже. Подопытный стонет все чаще и скоро должен прийти в себя.

Глава 1

– Так и запишем, – послышался голос, звучащий будто бы в пустоте, – дыхание выровнялось, картина дыхания положительная. Подопытный перенес все пробы и должен скоро прийти в себя.

Мечислав с трудом разлепил глаза и огляделся. Вокруг была полутемная пещера, стены ее заросли какой-то дрянью. Кое-где стояли чаши, в которых горел странный полупрозрачный лиловый огонь, отчего обстановка в пещере выглядела какой-то потусторонней. Юноша попытался сесть. Удалось это ему не сразу. Приподнявшись на локтях, он ощутил тепло. Оглядевшись в поисках его источника, он обнаружил небольшой очаг недалеко от того места где он лежал. Оторвав руки от лежанки, он попробовал пошевелить пальцами. Те послушались, но у Мечислава пробежали по спине мурашки, когда он услышал скрежет стали. Он снова сжал и разжал кулаки – скрежет повторился. Мечислав решил оглядеть свои руки: левая была его собственной, а вот на правой оказалась латная перчатка.

«Не припомню, чтобы в том сражении носил латы, – пронеслась в голове воина мысль».

Первое, что пришло Мечиславу на ум – от пальцев правой руки осталась только кровавая мясокостная каша, которая присохла к перчатке изнутри. Приготовившись к нестерпи-

мой боли, юноша попробовал стянуть перчатку с руки.

– Я бы не советовал тебе этого делать, – раздался чуть дребезжащий голос неподалеку.

Мечислав замер, затем поднял голову и спросил:

– Кто ты?

– Тот, кто вытащил тебя и когтей смерти.

Раздались шаги, вскоре перед ним предстал пожилой мужчина в серой мантии и довольно длинным – в рост человека – посохом, увенчанным разомкнутым кольцом, в котором горел такой же лиловый полупрозрачный, как в чашах, огонек.

Мечислав оглядел хозяина пещеры. На вид ему было лет шестьдесят-семьдесят, голова не носила каких-либо признаков шевелюры. Глаза, белки которых покрывала тонкая, но частая сетка сосудов, были сине-зеленые, словно болото или «цветущее» озеро. Борода, когда-то, судя по всему ухоженная и уложенная в какой-никакой порядок, была всклокочена, и бесформенная. Глаза бегали, точно цепной пес, увидевший подошедшего к дому чужака.

– Меня зовут Ведомир, – наконец представился хозяин, – я отшельник, хотя живу здесь всего несколько лун.

– Здесь есть чистая вода? – спросил Мечислав.

– Хочешь попить? – спросил Ведомир.

– Хочу взглянуть на свое отражение.

– Это несложно.

Отшельник взял светлый поднос, провел перед ним рукой, и пыльный, уже тронутый ржавчиной поднос засиял, словно

только что начищенный. Стало ясно, что отшельник был еще и чародеем.

Ведомир протянул юноше поднос. Мечилав подошел к ближайшей горящей лучине, посмотрел в поднос и оторопел.

«Я бы побледнел как смерть, если бы не был уже такого цвета, – подумал воин».

Лицо Мечислава действительно было смертельно бледным, вернее сказать – пепельно-серым. Всю нижнюю челюсть покрывала щетина. Но самым страшным были глаза. Если глаза хозяина пещеры можно было сравнить с глазами постоянно недосыпающего человека, то у него самого они выглядели так, словно он не спал самое меньшее пару недель. Они были темно-красными, и напоминали два кровавых шарика. Цвет своих глаз юноша не помнил, но теперь, каким бы он ни был, угадать его было совершенно невозможно – всю радужку занял разъехавшийся зрачок, словно икринка внутри кровавого шарика.

– Давно я здесь? – спросил воин, оторвав глаза от подноса.

– Уже три месяца.

– Говоришь, ты вырвал меня из когтей смерти? – Мечислав внимательно посмотрел на отшельника.

– Да, именно так, – Ведомир выдержал взгляд, – Мои люди нашли тебя почти без сил на окраине Лихолесья. Ты почти лишился правой руки и пребывал на грани беспамятства, изредка приходя в себя. Тебя доставили сюда, в мою пещеру,

где три месяца удерживал тебя в мире живых, не давая отойти в Навь.

– Тогда я благодарен тебе, – склонил голову юноша, – почти своим долгом рассчитаться с тобой за спасенную жизнь.

– Рад слышать, – слабо улыбнулся отшельник, – У тебя будет шанс отдать долг, но сперва поведай мне, что ты помнишь.

– Последнее, что я помню, были два человека, склонившиеся надо мной и уложившие на волокушу.

– Это были мои люди, – кивнул Ведомир, – а помнишь ли ты, что было до этого.

– Я и еще четверо воинов шли по границе Лихолесья. На нас напали чудовища. Один из воинов, со светлыми волосами сказал мне остаться, а сам повел остальных вглубь леса. Чудища навалились на меня и я не смог им противостоять.

– Любопытно, – потеревбил всклокоченную бороду отшельник, – похоже, либо ты храбро вызвался прикрыть отход соратников, или они попросту избавились от тебя, оставив на растерзание тварям. Вспомни, ты вызвался остаться сам?

Мечислав на какое-то время задумался, вспоминая, затем ответил:

– Нет, тот светловолосый сказал мне остаться.

– Кажется, мне все ясно, – кивнул после короткого молчания Ведомир, – этот светловолосый просо бросил тебя умирать. Похоже, тебя предали. Но это потом. А пока... ты, кажется, говорил о том, что хочешь рассчитаться со мной?

– Да, – ответил воин, – как я могу помочь тебе?

– Видишь ли, – задумчиво произнес отшельник, – меня когда-то тоже предали и я тоже ищу случай вернуть им должок. Поэтому я собираю небольшое, но способное войско. Пока в моем распоряжении только воины Могильника, которые не могут покинуть эти края. Вот если бы у меня была поддержка в Долине...

– Что надо? – тут же задал вопрос Мечислав.

– Найди мне тех, кто позволит моему войску покинуть Могильник, и будем считать, что квиты.

– Мне нужно подумать.

– Само собой, – кивнул Ведомир, – размышляй, сколько сочтешь необходимым, но не советую тебе пока что покидать эти края. В таком виде тебя могут принять за упыря и убить.

– Приму к сведению.

Сказав это, Мечислав вышел из пещеры.

Примерно в дне пути от Приграничья юноша обнаружил изодранные тела в кольчугах и алых плащах, а рядом с ними – тело странного существа, отдаленно похожего на человека. Перевернув его клинком, Мечислав увидел бледное лицо, на которое ниспадала копна спутанных волос. Все еще осторожно орудуя концом меча, воин откинул напоминающие паклю волосы и увидел бледную, почти белую, кожу. Из-под белых одежд выглядывала рука с непомерно длинными, напоминающими когти, ногтями. На ногтях виднелась запекшаяся кровь. Продолжая держать острое у шеи существа,

Мечислав наклонился и осмотрел зубы существа. Когда-то они видимо были человеческими. Теперь же клыки сильно увеличены, а передние зубы изменили форму и не сильно отличались от клыков. Приподняв веко, юноша увидел, что они не отличаются от его собственных: те же кровавые шарики белков, те же черные икринки зрачков. Единственное отличие состояло в том, что белки были цвета запекшейся крови, а зрачки утратили блеск и были мутными.

«Неужели я теперь стал таким же, как это существо? – подумал воин».

Короткое промедление едва не стоило Мечиславу жизни. Мутный зрачок прошел сначала в одну сторону, затем в другую. Наконец, он остановился, захватив в поле зрения Мечислава. С глухим рыком существо дернулось, пытаясь задеть когтями юношу. Неизвестно, каким образом, он успел отскочить, и когти рассекли воздух. Существо, наконец, встало на ноги и ринулось на юношу. Закрывшись щитом, Мечислав отразил удар и тут же нанес твари колющий удар. Не дожидаясь, пока тварь сделает ответный выпад, воин размахнулся и снес голову существу. Лишившись головы, тварь опрокинулась на спину.

Пройдя по следам ожившего мертвеца, Мечислав обнаружил расчищенное от снега место со следами костра. Кроме кострища о присутствии здесь некогда человека свидетельствовали многочисленные следы сапог и дырки от кольев, которыми, по-видимому, крепили палатки.

«Так, – подумал юноша, – похоже, здесь разбивали лагерь».

От лагеря шла цепочка следов, ведущая к такому же расчищенному от снега месту. Взгляд уперся в снежный завал. Мечислав взял щит и стал разгребать его. Когда передняя часть завала была расчищена, воин увидел ямку, в которую и ссыпался снег. Продолжив расчистку, Мечислав нашел старый еловый лапник, пожухший, уже частично осыпавшийся.

«Все ясно, – кивнул мысленно юноша, – кто-то разгреб курган заложного покойника. Странно. Ни один житель Долины не вскроет такую могилу. Все еще помнят историю, когда упыри почти целиком вырезали воинов из Стража почти сто лет назад. Значит, иностранец. Ладно, отметим это на будущее. Пока что надо поскорее развязаться с этим Ведомиром. Такие долги нужно отдавать скорее, пока не выросли».

Тем временем, назвавшийся Ведомиром чародей подошел к чану с водой, стоящему на огне и сделал движение рукой. Отражение старика дрогнуло, подернулось рябью, и вскоре сменилось мордой ящера. Она была покрыта черной чешуей и черными шипами, а над горящими желтым огнем глазами рослее два внушительных рога.

– Зачем ты тревожишь меня, колдун? – пророкотало чудище.

– Мне нужна твоя помощь, Змей, – ответил ему «Ведомир».

– Что тебе нужно? – донеслось из воды. Отшельник, впро-

чем, не был уверен, что этот голос не звучит у него в голове.

– Твои колдовские познания, какой-нибудь способ поддержания сил. Хоть что-нибудь. Моих сил едва хватает на отгоняющие местных тварей чары, а оживление этого юноши отняло еще одну изрядную долю от них.

– Может быть, незачем было его оживлять? – в рокочущем голосе существа появились ехидные нотки.

– Он может мне пригодиться, – стоял на своем назвавшийся Ведомиром, – Я понимаю твой намек насчет оживления этого юноши. Ты, конечно же, предпочел бы заполучить его душу еще три месяца назад. Но у меня есть к тебе предложение. Что если взамен одной души ты получишь, по меньшей мере, сотни?

– Ты знаешь, как это устроить? – в рокоте прорезалось любопытство.

– Знаю, – ответил колдун, – и для этого мне нужен этот воин и твоя помощь. Твой ответ?

Существо на какое-то время замолчало. Ведомиру уже показалось, что его предложение отвергнуто, и изображение в воде пропадет, сменившись его собственным отражением. Однако, через короткое время существо ответило:

– Хорошо, будет тебе помощь. Но помни, если моих усилий окажется значительно больше, чем твоих, если это был обман или ты перестанешь справляться, я заберу свою поддержку, душу этого полумертвого воина, а заодно – твою.

– По рукам, – отшельник чуть было не протянул руку,

но спохватился и лишь коротко кивнул.

– Протяни руки над чаном, – велело чудовище.

Колдун выполнил приказ, не сомневаясь, что это именно приказ, а не просьба или совет. Вода в чане окрасилась в лиловый цвет, и нити лилового тумана, поднявшегося с поверхности воды, коснулись пальцев чародея. Ведомир почувствовал мощный прилив сил. Странный туман словно наполнял его, мысли прояснялись, а усталость сменилась необычайной бодростью. Колдун чувствовал, что может сдвинуть горы или заставить расцвести подснежники одной только мыслью об этом. Так началось осуществление его плана.

Вернувшись из отлучки, Мечислав увидел, что возле пещеры отшельника уже стоят около десятка воинов в кольчугах и латах. Доспехи их, как и мечи, отливали едва заметным красноватым оттенком. Как юноша помнил по службе в дружине, такой оттенок образуется, только если рядом с железной рудой, которая идет на оружейную сталь залегает медная. В Долине таких месторождений нет, значит, сталь привезли откуда-то извне.

«Отряд воинов с гербом Вудлендса на окраине Могильника и иноземная сталь, – подумал воин, – любопытно. Впрочем, лучше решать задачи по мере их поступления. А первая задача – расплатиться с Ведомиром».

Войдя в пещеру, Мечислав увидел, как волхв снаряжает и вооружает последнего бойца. Полностью снаряженный воин вышел из пещеры, бросив на юношу лишь беглый взгляд.

Сам же колдун склонился над столом, пристально разглядывая то, что на нем лежит.

– Я принял решение, – сказал Мечислав.

– И что ты решил? – повернулся к нему отшельник.

– Я помогу тебе. В счет погашения долга.

– Правильное решение, – кивнул чародей, – Я был уверен, что ты решишь именно так.

– Почему же? – приподнял бровь юноша.

– Потому что ты мне показался честным человеком.

А честный человек решил бы сначала вернуть долги, и только потом – решать личные вопросы.

У воина сложилось ощущение, что отшельник что-то недоговаривает. Вроде бы и доводы приемлемые, но уверенность в правильном, по мнению Ведомира, решении их несколько размывала.

– Впрочем, об этом поговорим позже, – задумчиво произнес чародей, словно прочитав мысли юноши, – сейчас важнее, чтобы твое лицо не было видно. Вот, надень эту маску, она позволит тебе скрывать его. А теперь отправляйся в Долину. Мне же надо продолжить работу.

Мечислава подмывало спросить, о какой работе идет речь, но он лишь кивнул в ответ и ушел.

Глава 2

Когда решивший отдать долг за свое спасение юноша пересек границу, отделяющую Могильник от Приграничья, солнце пробивалось яркими лучами сквозь прореху в тяжелом слое облаков, заставляя обильно легший на пустыре снег переливаться всеми цветами радуги. Впрочем, солнце не доставляло Мечиславу той радости, которую доставляло другим и ему самому до того, как он задолжал Ведомиру. Дело здесь было не в самом долге, а во внутренних ощущениях юноши. Его душа словно забыла, что такое радость. Все, что сейчас чувствовал воин – снежинки, то и дело залетающие в прорези для глаз и прохладный западный ветер, задувающий под маску, отчего приходилось постоянно прикрывать левую часть лица капюшоном. Все омрачилось, когда вокруг стемнело. Снег словно ускорился и поставил себе цель целиком занести одинокого путника, легкий, пусть и прохладный западный ветер усилился, и теперь дул пронизывающим потоком, пробирая даже сквозь плотный плащ. Радости не добавляло даже то, что вдалеке уже виднелись остовы мертвых деревьев.

Едва рассвело, Мечислав снова двинулся в путь. Мертвые деревья он миновал уже вскоре после начала пути, а первых людей он встретил, когда наступил полдень. Это были двое вооруженных орудиями, похожими на переделанные косы,

людей, одетых в белое, из-за чего среди снегов их было едва видно. Лица их были невозмутимы, безмятежны и словно мертвы, отчего напоминали истуканов. Юноша и принял бы их за изваяния, если бы не вход в нору, расположенный за их спинами.

«Они будто бы мертвые, – подумал Мечислав, – мертвые, но вернувшиеся к жизни. Или возвращенные чьей-то злой волей. В этом мы отдаленно похожи».

«Истуканы» первыми подали признаки жизни.

– Ты, – указал один из них на пришельца. – Стой. Кто таков?

Отрывистый характер речи мог свидетельствовать о том, что либо этот человек прослужил в дружине достаточно долго, причем в чине не меньше десятника, чтобы привыкнуть раздавать приказы, либо он вообще почти не разговаривал.

«Скорее – второе, – подумал Мечислав, – на дружинников эти двое никак не тянут»

– Мир вам, друзья мои, – ответил «истукану» юноша, – не имею ли я честь лицезреть подданных Великой Мары?

– Да, это мы, – сказал второй «истукан». – Зачем пришел?

Все те же отрывистые фразы. Сходство с ожившим мертвецом усилилось.

– У меня разговор к вашему главному.

– Что тебе от него нужно? – не отставали стражи.

– Об этом я буду разговаривать с ним, – Мечислав старался собрать последние крупинцы терпения, – лично.

Стражи переглянулись, и юноше показалось, что сейчас они нападут, но затем один из них пожал плечами. Второй страж повернулся к воину и сказал:

– Клинок и щит. Сдавай их. Как выйдешь, их тебе вернут.

– Забирайте, – Мечислав снял с левой руки щит, ножны с пояса, и положил их на щит, – если не вернете, я сам их заберу.

В сопровождении стражей, он вошел в пещеру. Она была похожа на известковую или меловую, хотя неровности на стенах и своде свидетельствовали о другой породе. Глубже в пещере стены были украшены мозаиками, выполненными из разнообразных цветных камешков. Рисунок был, в основном, один – женщина в просторном белом одеянии, держащая в правой руке короткую косу, а в левой – три белых цветка.

«Мара, – догадался юноша, – повелительница смерти. Теперь понятно, почему эти стражи разговаривали так, будто они это делают впервые. Это община смертепоклонников. Что же, в самый раз для острия клинка, который обрушится на всю Долину. Они все заплатят за то, что послали меня на верную смерть сначала в Страж, затем – на бой с моховиками, а после – оставили умирать»

Вскоре его завели в небольшой зал, где сидел бледный, под стать своей госпоже, человек в белом плаще.

– Кого вы привели ко мне? – спросил он у стражей.

– Говорит, у него к тебе дело, – ответил один из них.

– Оружие мы у него забрали, – добавил второй.

– Это хорошо, – кивнул человек, – Какое дело привело тебя ко мне, путник?

– Предложение, от которого трудно отказаться.

– Я слушаю, – человек в плаще наклонился вперед.

– Нужно захватить крепость Страж. После событий трехмесячной давности, сторонников, я думаю, набрать не составит труда. К тому же, представьте, какое шикарное подношение будет для вашей госпожи, – Мечислав кивнул на изображение Мары.

– Кто ты такой, чтобы поминать нашу госпожу? – прищурил глаза глава смертепоклонников.

– Тот, у кого было с ней незабываемое свидание, – юноша скинул капюшон с головы, а затем – снял маску, открыв собеседнику свое бледное лицо и кроваво-красные глаза.

– Ты, – глаза главы культа расширились от потрясения, – ты видел ее. Ты встречался с госпожой. Как это было?

– Больно, – ответил Мечислав, – горячо, затем холодно. Больше почти ничего не помню.

– Ты причастился от даров госпожи, – благоговейно прошептал человек, – ты – ее избранный. Первая ласточка грядущей Большой Жатвы. Мы принимаем твое... и ее предложение. Мы начнем наш священный поход против тех, кто отвергает госпожу и ее дары. А начнем со Стража.

– Премного благодарен, – кивнул воин, – а сейчас, проводите меня наружу и верните мое оружие.

– Проводите Ее избранного, – приказал глава.

Двое стражей, препроводивших Мечислава к человеку в кресле, вывели его наружу. С великим благоговением они вернули ему щит и меч.

– Да будет легким твой путь, Избранный, – сказал один из стражей.

– Да осветит Она твой путь, – добавил второй.

– Я как раз надеюсь ее не встретить, – ответил, обернувшись, юноша и пошел на восток, где пролегал мост через Змею, в Трехречье. Его кровавый путь только начинался.

Стоило Мечиславу покинуть пределы общины, как ее глава собрал в большой келье, коя должна была изображать из себя зал собраний, своих последователей, и начал:

– Братья, – сказал он, – сегодня нам явилось знамение! К нам в общину пришел путник! Это был не просто заплутавший в наполовину мертвом лесу человек! Это был Ее избранный! Был он бледен, как сама госпожа. Ни капли крови не было на лице его. Зато много крови было в его глазах! Это знак свыше! Мы должны начать свой священный поход, очистив Долину от всех живущих! Жизнь в ней должна переродиться или потухнуть навек! Несколько часов назад Избранный ушел на восток, в сторону крепости Страж. Той самой, что во всеуслышание заявляет, будто охраняет покой Долины от не упокоенных и злых духов. Избранный сказал, что начать мы должны именно с нее. Да пребудет с нами госпожа.

– Да пребудет, – в один голос повторили собравшиеся.

– Нам нужны будут сторонники, – закончил глава, – Проще всего найти их в деревне Черный Луг. Она не так далеко отсюда. Жители наверняка помнят, как другие неверные попытались получить благословение госпожи, уничтожив соседнюю деревню. Это может сыграть нам на руку. Пусть двое проповедников отправятся туда и подыщут помощников. На этом все. Можете приступать. Да пребудет с нами госпожа.

– Да пребудет, – еще раз повторили последователи.

Глава общины вернулся в свою комнату, двое проповедников, сменив белые накидки на серые плащи и закрыв капюшонами лица, а также взяв дорожные посохи, двинулись на восток, куда недавно ушел Мечислав. Остальные стали готовить орудия для начала провозглашенного предводителем священного похода.

– Так-так, – протянул колдун, – похоже, живой доспех, который я создал для отрядов прорыва, почти готов. Осталось лишь испытать его – если выяснится, что он несовершенен, на переработку может не остаться времени.

Отшельник взмахнул рукой, и с пола, дико вереща, поднялась довольно крупная крыса. Животное вырывалось из захвата, но будучи подвешенной в воздухе, лишь вращалась на месте.

– Ты отлично подойдешь, подруга, – хмыкнул колдун, и переместил ее ближе к котлу.

Неизвестно, как почуяв опасность, животное заверещало

еще громче, а почувствовав жар, забилося в волшебном захвате еще сильнее. Один из отростков вытянулся и коснулся лапы животного. От него начали оделяться отростки поменьше. Они оплетали конечности крысы, образуя узор, напоминающий рыбацкие сети. Постепенно ячейки на этих «сетях» уменьшались, зарастая ячейками поменьше, и со временем крыса целиком покрылась этим веществом. То, что произошло при этом с самой крысой было поразительно: когти на ее лапках заметно увеличились, морда немного вытянулась, а нос крысы опустился вниз. Увеличились также и зубы. Мощные передние резцы, служившие животному главным орудием, теперь были длиной в полпальца, и, казалось, способны перекусить ветку. Там, где под живым доспехом находились ее глаза, обозначились небольшие узоры, горящие, словно тлеющие угли догорающего костра. Когда крыса раскрыла пасть, та оказалась просто непомерной для такого маленького существа, а из нее вывалился длинный мясистый язык.

Глава 3

Жители деревни Черный Луг, что недалеко от Чернолесья, были поражены – не каждый день их собирают, особенно неизвестные со скрытыми лицами. Впрочем, помимо удивления, сельчан преследовала настороженность: когда похожим образом собирали жителей Гулевища, результатом собрания стало опустевшее поселение и много крови. Помня об этом, люди взяли с собой, как бы невзначай, вилы, топоры и прочие орудия. С одной стороны, создавался вид, будто их оторвали от работы, с другой – всегда можно дать отпор напавшим, а при перевесе в силах – погнать их за десять верст. Первым слово взял один из пришедших:

– Жители Черного Луга! – начал он, – Сколько можно сидеть по домам и подвалам, надеясь переждать нашествие врагов словно крысы? Люди в Гулевище три месяца назад дали себя согнать в плотное скопление! И чем это закончилось? Их всех вырезали! Мужчин, женщин, даже стариков и детей! Всех! Все вы прекрасно знаете, откуда пришли эти изуверы! Крепость Страж! Они провозгласили себя защитниками, последним оплотом Долины перед нечистой силой! На самом же деле, они не отличают живых людей от мертвых!

– Что-то ты, друг, темнишь, – сказал староста, – Пока что у тебя одни призывы и никаких предложений. Речи говорить

ты горазд, но чтобы заставить нас напасть на Страж, этого мало. Да, мы все помним, что случилось в Гулевище, но сейчас ты предлагаешь нам идти на мечи, словно мы жертвы на закляние.

– Значит, надеетесь все же пересидеть? – спросил выступающий, – Будете, как крысы сидеть по подвалам? Ждать, когда самозванные защитники уйдут? В то время, как они будут опустошать ваши амбары и убивать ваших соседей? А если они начнут лезть к вам в дом? Тогда вам придется биться с ними, но на их условиях! Но что если дать им бой на ваших условиях?

– Да у них в крепости запасов до весны хватит! – крикнул один из сельчан.

– Точно! – поддержал его второй, – А нам что? До весны мерзнуть под крепостными стенами и ждать, пока нас не убьют?

– Вы будете не одни, – сказал, молчавший до этого, второй пришелец, – Там, откуда мы пришли, Страж тоже, как кость в горле. Кроме того, к нам пришел вестник. Он сообщил, что будут еще воины. Если вы еще хотите поставить этих разбойников на место, бой нужно дать этой ночью.

Не все поддержали пришлых путников. Многим эта затея не понравилась, кто-то отнесся к ней прохладно. Другие же, пусть не загорелись желанием идти на охраняемую крепость, но согласно кивали, показывая, что не собираются повторять ошибок Гулевища.

– Верно, – сказал кто-то, пора поставить на место этих разбойников! Если их сейчас на задницу не посадить, нам туго придется.

– Только не забывай, – не согласился другой, – что там не какие-то оборванцы сидят, а обученные воины. Причем не дозорные с севера или бойцы срединных земель, а те, кто всю жизнь посвятил борьбе с нечистью. Эти пленных не берут. Сразу на мечи поднимают.

– Да чего ты боишься? – возмутился третий, – Нас больше, кучей навалимся – никакие мечи не помогут. Прижмем к земле и проучим гадов!

Собрание разделилось. Настроение то и дело колебалось и одному непримечательному человеку, стоящему с краю, не нравилось, в какую сторону склоняется чаша весов. Со временем или станет больше тех, кто поддержит это предприятие, или доводы последних убедят колеблющихся, тогда противников похода никто и слушать не будет.

Человек незаметно покинул собрание, и прошел к площадке за крайними хатами. Достав из тайника кусок бересты, он начал наносить на них руны:

«Светозар, в Черном Луге творится что-то неладное, пришли двое путников. Начали уговаривать местных начать поход на Страж. Лица скрывают за глубокими капюшонами, речь отрывистая, словно кто-то нарубил фразы. На волхвов не похожи, но речи говорить умеют. Не знаю кто это, но добром это вряд ли кончится. Ярополк»

Свистнув так, чтобы услышал сидящий на ветвях ворон, но не услышали собравшиеся на главной площади люди, Ярополк дождался, пока птица спустится с ветки, затем привязал бересту к лапе ворона, и отпустил его. Ворон был обученным и знал, куда надо лететь. Птица полетела на север, в столицу пока еще единого княжества.

Пока почитатели богини смерти пытались склонить на свою сторону жителей Черного Луга, Мечислав устроил привал недалеко от пути, ведущего по южному отрезку большака на восток в сторону крепости Страж.

«Здесь все началось, – мрачно подумал юноша, – череда предательств, в результате которых я стал таким вот... не живым, поскольку уже заглянул в мир мертвых, но и не мертвым, так как сохранил разум и обрывки памяти. Кто-то должен ответить за это. В первую очередь тот, кто дал условия, чтобы я стал таким вот порождением тьмы. Застрял между миром мертвых и миром живых».

Мечислав грел свои руки у костра, который ему чудом удалось разжечь, выкопав, хотя скорее – выдолбив, в земле небольшую ямку, где горел с трудом собранный хворост и очищенный от снега валежник. Свет пламени играл бликами на стальной маске. Хмурые тучи остались позади, здесь, в Приграничье, небо было лишь частично закрыто пепельно-серой пеленой и в просветах виднелись звезды. Воин посмотрел на восток, куда ему предстоял путь. В разрыве между облачными клубами виднелись созвездия, обычные для

этих мест.

«Черпак, Коромысло и Серп, – вспомнил Мечислав их названия, – Моя душа теперь похожа на это небо. Просветы памяти посреди сплошной пелены забвения. Только пелена эта намного темнее облаков, она черная, словно омут в глубокой реке, куда крупный сом утаскивает зазевавшихся или слишком самоуверенных рыбаков. Кто знает, какие тела выплывут, если хорошо взбултыхать эту пелену? Или какие чудовища выйдут на свет?»

Еще раз оглядевшись, юноша достал из походного мешка подстилку, положил ее на заранее расчищенную от снега землю, и лег спать рядом с горящим еще костром. Дорога была достаточно далеко, поэтому воин не боялся, что огонь кто-то заметит, к тому же, его стоянка была скрыта сугробами. Впереди был долгий путь. Он не чувствовал на себе незримого взгляда с той стороны Смородины, неосязаемых цепей, опутывающих его ноги, руки, туловище, каждую кость, сидящих в каждой жиле и текущих по ним вместе с тем, что по ним течет. Пока что его действия устраивали неведомого кукловода, что держал в руках концы этих цепей, поэтому они были ослаблены. О том, что произойдет, когда поступки перестанут устраивать кукловода, Мечислав даже не подозревал.

В себя юношу привело дуновение холодного ветра, забравшегося под маску и кольчугу. Едва воин открыл глаза, в них ударил пробившийся сквозь пелену облаков солнеч-

ный луч. Прикрыв глаза ладонью, Мечислав встал и огляделся. Костер был уже запорошен снегом, о том, чтобы заново его разжечь, можно было и не думать. Повесив на пояс ножны с мечом, снятые перед сном, а также отряхнув от снега подстилку, на которой он спал, юноша собрал все необходимое в рюкзак, и двинул дальше на восток. В полдень Мечислав прошел поворот южной части дороги, ведущий к Гулевищу. Обычно уже на повороте были слышны признаки жизни в деревне – кричали крестьяне, шумели дети, голосила скотина. Теперь же со стороны деревни звучало лишь завывание ветра. Деревня вымерла, будто кто-то все жители куда-то в одночасье ушли, забрав с собой вещи, детей и скот. Когда наступили сумерки, юноша был уже на полпути к Стражу. Отсюда уже было увидеть огни на крепостных стенах, очертания перемещающихся на стенах дозорных.

«Вот и настал ваш час, – подумал юноша, – Вы будете первым камешком, который вызовет оползень. Все начнет с вас. Это будет первым взносом в счет возвращения долга отшельнику. Если не всем долгом целиком. И совершенно точно вы будете первыми, кто почувствует дыхание с той стороны Калинова Моста».

Мечислав посмотрел на небо, где почти над самыми зубцами горели звезды, образующие Серп – созвездие, указывающее путникам, идущим с запада, где находится хорошо защищенный лагерь. Костер разводить не имело смысла. Даже если попробовать снова укрыться за сугробами, огонь бу-

дет хорошо видно со стены. Первым действием зрителя, кто бы ни управлял крепостью в данный момент, будет выслать дозор, чтобы узнать, кто решил развести огонь недалеко от крепости. Если это обычный путник, то его забирают на ночной постой в крепость. Если же рядом разбил лагерь разбойник, то лагерь выбивают. Учитывая внешний вид юноши, если он и сойдет за обычного путника, то маска вызовет множество вопросов. Любой ответ Мечислава на них приведет к нападению на него: если он откажется снять маску, то его сочтут разбойником и убьют, если же все-таки снимет, увидев его лицо, сочтут за восставшего из мертвых и тем более убьют.

Ворочая в голове такие мысли, воин решил расчистить место под стоянку, и, не разводя огня, закутаться поплотнее в подстилку и лечь спать, не привлекая внимания.

В пещеру ссыльного чародея в Могильнике, выстроилась очередь из собранных им со всех проклятых земель воинов «Черной дружины». Людей было так много, что некоторым пришлось стоять у входа снаружи. Лиловый свет от трех чаш, расставленных по краям площадки, где стоял чан с неведомой жижей, освещал лица ближайших воинов. Многие из них были покрыты шрамами, у кого-то отсутствовал глаз, третьи просто были хмурыми. Те, что стояли поодаль были скрыты мраком – лиловое пламя не доставало своим светом до мест, где те стояли, а тусклый свет неизвестного растения, обжившего стены и свод пещеры, не хватало, чтобы

осветить ее.

– Подойди к чану, – сказал волхв ближайшему ратнику, чье лицо пересекал вдоль длинный шрам.

Воин переглянулся со стоящими рядом ссыльными, и сделал шаг в направлении котла.

– Протяни руки над ним.

Воин выполнил и этот приказ. Жижа, плескавшаяся в чане, зашевелилась и протянула вверх нити. Они начали медленно вытягиваться, пока их концы не коснулись ладоней и не прилепились к ним. Ратник состроил гримасу, как будто взял в руки что-то мерзкое. Связь, соединяющая нити с остатками жидкости, начала истончаться, пока нижняя ее часть с чавканьем не упала обратно в котел. Та часть, что оставалась на ладони, выпустила ложноножки, которые выпускали все новые и новые копии, пока, наконец, не облепила всю руку воина. Лицо у того приобрело выражение, словно тот вынужден искать золотое кольцо с драгоценным камнем, оказавшееся в овечьем навозе. Тем временем, жижа обволакивала его тело и ноги, а верхняя ее часть протянула нити к лицу. Спереди уже были видны нити на лбу воина, нити, тянущиеся к уголкам рта. Они продолжали расти, пока свободными от них не остались лишь рот и глаза. Последние тут же стали закрываться белой пленкой, по которой начали тянуться жилки красного цвета. Они соединялись между собой, сеть становилась все более частой, пока пленка не приобрела красный цвет целиком. Та же часть, что подобралась

ко рту, облепила губы, затем с чмокающим звуком разлепилась и явила ряд кривых зубов и длинный язык, похожий на тот, что колдун наблюдал у опущенной к чану крысы.

– Ты слышишь меня? – спросил он у воина, покрытого этой жижей.

– Да, – прошипел тот.

– Отлично, – кивнул чародей, – этот доспех даст вам нечеловеческие скорость и силу. К тому же, вам не надо беспокоиться о брешах в нем – он сам заделывает любые повреждения. Смотрите.

Колдун подобрал с пола небольшой нож, которым срезал травы, отошел на достаточное расстояние и метнул нож в воина, облаченного в живой доспех. С быстротой молнии воин поймал нож у самого своего лба. Отбросив оружие, воин – или существо, которым стал, – посмотрел на свои руки, словно не верил, что все это только что сделал он.

– Теперь проверим силу, – волхв повел посохом над каменным полом пещеры, и в воздух взмыли несколько увесистых камней.

Чародей описал горящим посохом круг, и камни притиснулись друг к другу, словно хотели врасти один в другой. Из нескольких камней получился один большой. Колдун отвел посох назад, держа его вдоль земли, и резко выбросил вперед. Камень отправился в стремительный полет в направлении воина в доспехе. И снова тот успел остановить его до того, как камень ударился об доспех. Воин держал увеси-

стый валун, словно это был наполненный воздухом кожаный шар. Удар о ладони оказался настолько сильным, что камень начал трескаться и после осыпался на пол.

Дальше пошло живее – ратники один за другим подходили к котлу и протягивали над ним руки. Каждого из них оплетали липкие нити доспеха. Вскоре в пещере стоял целый отряд черных воинов – теперь «Черная рать» полностью оправдывала свое название. Бойцы терялись в тенях, будто бы растворяясь в них. Даже красные глаза почти не выделялись во тьме.

– Отлично, превосходно! – лицо волхва озарила торжественная улыбка, – Теперь у вас есть возможность отомстить тому, кто вас сюда бросил. Ближе всего находится крепость Страж. Не стоит терять времени – идите через северные холмы это самый близкий путь.

Оскалив кривые зубы и вывалив длинный язык, наиболее крупный из воинов кивнул и повел остальных бойцов к выходу.

Глава 4

Проповедникам все же удалось склонить значительную долю жителей Черного Луга на свою сторону. Больше половины сельчан, вооруженные топорами, вилами, косами и прочими орудиями труда выдвинулись из деревни, ведомые двумя путниками в серых плащах и с дорожными посохами. Едва они дошли до выхода на главную дорогу, соединяющую деревню Полесье и крепость Страж, как к ним присоединились еще около десятка людей. Тем, как они держались и немногословностью они походили на проповедников, а вот внешне от них разительно отличались. Прибывшее пополнение было одето в белые плащи, из-за чего сельчане не сразу их заметили посреди снегов, капюшонов на них не было, что открывало для обзора их лица. Они были бледными, с высветленными волосами, либо же вовсе их лишенными. Бровей над глазами не было, что делало лица невыразительными, а почти каменные выражения только усугубляли впечатление. Радужки у глаз почти не было заметно, и цвет глаз можно было определить, только долго и тщательно вглядываясь, однако взгляд заставлял отворачиваться, смотреть в сторону, отводить глаза, опускать их. Благодаря этому лица прибывшего подкрепления почти не запоминались.

– Вот видите, – сказал один из проповедников, – я же го-

ворил, что вы будете не одни.

Прибывшие путники оказались тоже не безоружными. Кто-то был вооружен самодельным бердышом, изготовленным из насаженного плашмя на длинную палку куска железа, другие носили за поясом один, а то и два страшных, даже на вид, серпа, третьи – короткие косы, у четвертых были устрашающего вида кривые кинжалы, пятые были отягощены кое-как скованными подобиями мечей с зазубренной или волнистой кромкой. Такие оставляют при попадании по незащищенным местам жуткие рваные раны, которые заживают очень долго. А такие вот клинки еще и оставляют в ранах ржавчину и куски железа. Если такие раны не промыть, мучительная смерть неизбежна.

Это заставляло жителей деревни сбиваться плотнее, чтобы оставить расстояние между собой и этими путниками. Чувства же сельчан были двоякими – они понимали, что все-таки идут не одни, но понимали также, что такие вот попутчики могут выкинуть все, что угодно. Например, наброситься на соратников в помутнении рассудка или же из жажды крови.

Первый привал устроили недалеко от Гулевища. Проповедники и белые плащи собрались вместе, обсуждая что-то. Жители же Черного Луга расположились отдельно, собравшись вокруг костра, разведенного одним из сельчан. Вид полностью выбитой деревни угнетал: дома стояли запущенные. Темные глазницы окон словно смотрели прямо в душу,

укоряя людей за то, что бросили свое жилище. Темные пятна, расположившиеся на стенах некоторых домов, были похожи на старые кровоподтеки. Ветер, дувший в узких проходах между двумя домами, будто бы выворачивал душу наизнанку. Веревки, связывающие между собой еловые лапы, служащие крышей, местами истлели, из-за чего ветви провалились внутрь домов, образовав прорехи в кровле, в которые падал снег. Местами лежали мертвые собаки и скот, присыпанные снегом – хозяев, что когда-то их кормили, больше нет в живых, и животные умерли голодной смертью. Сельчане пытались отводить глаза, смотреть в пламя костра, но дух заброшенной деревни доставал до их душ даже так, давя и заставляя сдерживать слезы, которые выступали при виде этого.

Немногочисленные женщины, присоединившиеся к походу, плакали на плечах мужей. Мужчины же лишь укреплялись во мнении, что нужно приструнить обитателей крепости – дабы не повторилось то, что здесь произошло три месяца назад.

Передышка длилась недолго. Вскоре подошел один из путников, что пришли в деревню и сказал, что пора двигаться дальше. Все обитатели деревни, кряхтя и ругаясь, встали, подобрали нехитрые походные припасы, орудия, прихваченные из деревни, и пошли вдоль большака. Новоприбывшие провожатые, а сельчане были уверены, что эти нелюдимые и молчаливые «соратники» при малейших при-

знаках отступления и смятения начнут свою кровавую жатву с них, вели людей на восток, где стояла южная крепость, препятствующая доступу мертвецов и духов в срединные и северные земли.

Черное воинство тоже продвигалось в направлении холмов, обозначающих границу пусть суровых, но все же живых земель с землями мертвыми и проклятыми. К тому моменту, как жители Черного луга находились на полпути к Стражу, они уже приблизились к подножию холмов. Там где обычные человеческие пальцы искали бы, где зацепиться, и держались за уступы, сдирая ногти, и обмерзали от долгого прикосновения к снегу и льду, когтистые лапы преобразившихся в жутких существ ратников, зацеплялись за малейшую щель, ускоряя переход в жилую часть Долины. Обитатели крепости пока не видели ни тех, ни других. Наущенных проповедниками сельчан скрывало расстояние, а «Черная дружина» растворялась в густой тьме.

Решив не приближаться к Стражу, Мечислав начал обходить его стороной. Срезав поворот, обозначающий прямую дорогу на крепость, юноша пошел через сугробы. Ноги утопали по колено в снегу, ветер дул в спину, подталкивая идти дальше. Укрытый от глаз дозорных, он вышел на большак достаточно далеко от крепости, чтобы его заметили. Остаток светлого времени воин потратил на путь до моста через реку Змея, отделяющую Приграничье от северных земель. Мост вел в Трехречье – главную область Долины. Здесь пролега-

ли главные торговые пути с восточными странами, располагались южные железные рудники, и находилась столица княжества – Стрелец, в котором и обустроивались князья с тех самых времен, как первые поселенцы обосновались в этой части Долины. С этой переправой были связаны и сохранившиеся обрывочные воспоминания самого Мечислава. Именно здесь начался крах похода на южную крепость три месяца назад.

«А послал нас сюда князь Градимир, – подумал юноша, разводя костер, – Послал наверняка, если не зная, то предполагая, что мы, скорее всего, не вернемся из похода. Удобный способ избавиться от той части войска, что не предана ему безоговорочно. Такая вот чистка рядов. Ну, ничего, Ваша Светлость, мы еще посмотрим, как ты засуетишься, когда вдруг запоыхает прямо у тебя под боком».

Ворон пролетел над Стрельцом, заложил круг, и по спирали стал постепенно снижаться, пока не сел на карниз одного из домов в сердце столицы. Птица сначала перемялась с лапы на лапу, затем несколько раз ударила в ставни и громко каркнула. Изнутри дома послышалось негромкое ворчание, затем ставни раскрылись, заставив ворона невысоко взлететь, и в окне появился человек с каштановыми волосами, глазами цвета молодой травы, и лицом, словно высеченным из камня. Ворон еще раз каркнул.

– Ох, нехорошо это, когда ворон под окном каркает, – пробормотал человек.

Заметив на лапе ворона бересту, он подставил руку, чтобы птица смогла на нее запрыгнуть. Когда ворон оказался на руке, человек снял с лапы свернутую в трубку бересту, затем дал птице корку хлеба и отпустил ее. С громким хлопанием крыльев ворон улетел сначала на восток, затем, заложив полукруг, унесся на юг.

Хозяин дома подошел к лучине, развернул бересту и прочитал то, что там было написано. Вести были дурные — на юге, в деревне Черный Луг вполне мог начаться не просто бунт, а настоящий мятеж. Согласно записке, двое пришлых путников стали подговаривать жителей взять приступом крепость Страж. Южная крепость была оплотом безопасности для всего юга Долины. Дозоры, отслеживающие вышедших из Могильника духов и мертвецов, доходили до Чернолесья, кое своей южной окраиной как раз и упирается в Могильник. Это спасало ближайшие к лесу деревни и юг Полесья от этой напасти. Захватившие же крепость крестьяне, скорее всего не станут высылать дозоры, а просто разойдутся по домам, успокоив свою вскипевшую кровь. Это означает, что исчезнет заслон между Могильником и жилой частью Долины. В этом случае порождения Нави просто выбьют юг и почти всю среднюю часть, если не расползутся дальше на север. Допустить такое было никак нельзя. Выйдя из дома, уже облаченный в кольчугу с нанесенным сложным узором, Хозяин запер жилище и громко свистнул. На зов подбежал серый в яблоках конь, на которого человек сел

и ускакал в сторону княжеского дома.

Дождавшись сумерек, отряд из жителей Черного Луга выдвинулся в сторону Стража. Белые плащи распределились так, чтобы их не было заметно среди сельчан. При этом расположение позволяло им мгновенно пресечь признаки паники, в какой части толпы не находились бы. Лучник заметил их уже на подступах и пустил под ноги передним стрелу. Обычно не проявляющие к простому люду воинственных действий, ночью обитатели южной и не только южной крепости превращались в бойцов осажденной крепости. Особенно это относилось к Стражу, обитателям которого зачастую приходилось отражать ночью нападения особенно опасной нечисти или больших скоплений менее опасного врага. Видя, что гости продолжают движение, даже не думая останавливаться, лучник выпустил стрелу с утяжеленным наконечником в висящий рядом с главной башней колокол. Гулкий звон разнесся по крепости, заставив ночную смену прийти состояние боевой тревоги. Насчет дневной смены, которая сейчас отдыхала, лучник уверен не был, и приготовился кинуть увесистый камень в колокол. Однако, сделать ему это не удалось. Левой щекой и правым боком он почувствовал прикосновение чего-то, напоминающего когти зверя или чудовища. Больше он ничего почувствовать не успел: раздался хруст, и голова часового повернулась так, что едва не смотрела за спину. Обмякшее тело лучника упало на пол крепостной стены. Ближайший к месту происшествия лучник

начал выпускать одну за другой стрелы в то место, где мгновение назад промелькнула смазанная тень. Последовало смазанное движение, и стрелы словно зависли в воздухе, затем упали на пол. Тотчас же лучника подхватила неведомая сила и с размаху ударила об один из зубцов. Раздался звук, который бывает, когда роняют зрелую тыкву, и на каменном зубце осталось алое пятно. Тело же лучника осело безвольной куклой. На других стенах дела обстояли не лучше, один за другим часовые то падали со стен, то просто оставались там, не подавая признаков жизни. Чуть лучше было у бойца, находившего возле колокола. Подхватившее его нечто, ударило лучника, успевшего сменить лук на короткий меч, о колокол. Раздался громкий звон, поднявший на ноги дневную смену. Не успел колокол стихнуть, как восстановивший зрение часовой увидел небывалую картину: неведомая сила, едва не убившая его, начала проявляться, наверху начали расплзаться нити неизвестной ткани, и между ними обозначилась человеческая голова. Не теряя времени даром, боец подхватил меч и вонзил его в эту самую голову. Ткань, окончательно расплзлась, обнажив человека в черном доспехе. Это оказался один из бойцов «Черной дружины». Ткань, обволакивающая его, попыталась найти себе новую жертву, но лучник подхватил лучину со стены и ткнул ей в эту ткань. От прикосновения пламени та занялась ярким огнем.

На земле также все развивалось не лучшим образом.

Увидев, что их больше не осыпают стрелами, толпа пошла на приступ. Заведенные и настроенные проповедниками сельчане попытались открыть дверь, но этому помешал тяжелый засов, на который она была заперта. Тогда в ход пошли топоры. Вооруженные ими, от мясницких орудий до внушительных колунов, крестьяне стали рубить щель между двумя створками, постепенно расширяя ее. Когда просвет оказался достаточно широким, обладатели колунов стали наносить удары по засову. После каждого из них на обтесанном бревне возникали внушительные зарубы. Удар за ударом заруб расширялся и углублялся, пока, наконец, не прокатился сухой треск, и засов не превратился в две половины.

Раззадоренные успехом сельчане попытались открыть ворота и ворваться внутрь, но проснувшаяся дневная смена налегла на них изнутри. Вооруженный вилами крестьянин ткнул в прорубленный в воротах просвет в надежде задеть кого-то из защитников. К его счастью, вилы все-таки нашли живую плоть. Один из обитателей Стража вдруг содрогнулся, будто у него за спиной что-то гулко ухнуло. Следом из его глаз стал уходить живой блеск, открылся рот, и из него потекла алая струйка. Защитники, видя, что стоять напротив проруба опасно, разошлись в стороны, не ослабляя натиска.

Тогда нападающие пустили в ход молоты. От каждого удара ворота содрогались, но обитатели крепости все еще держали их закрытыми, пока в одной из створок не образовалась

пробоина, и получивший по голове молотом воин не рухнул замертво. Вскоре пробоина образовалась и в другой створке. Разгоряченные жители стали тыкать в эти пробоины вилы, лопаты и прочие орудия труда, снабженные длинной ручкой. Со временем сила, удерживающая ворота ослабла настолько, что воины вынуждены были отойти вглубь двора.

Створки тут же распахнулись, и разъяренные сельчане ворвались внутрь. Защитники построились, чтобы можно было рассеять поток, но в бой внезапно вмешалась третья сила. Тени, истребившие лучников на стенах, спустились вниз и принялись за тех, кто стоял на земле. Тех, кого не добились тени, добились крестьяне. Вдруг, тени ускользнули, словно их и не было. Об их присутствии напоминало только тело в броне «Черной дружины», лежащее на одной из стен крепости. Первый рубеж защиты от злых духов и мертвецов пал.

Находящийся в это время в своей пещере колдун вдруг пошатнулся, и вынужден был опереться рукой на стену. В глазах у него на короткое мгновение потемнело, и он почувствовал, как по верхней губе поползла теплая струйка. Проведя по взъерошенным и давно не ухоженным усам, он поднес пальцы к глазам. На них была достаточно широкая красная полоса. Голова у чародея закружилась, и он сел на большой камень.

– Боги, – вдохнул он, когда кровь унялась, – должно быть, я утомился. Это длится уже три месяца. Что-то медленно подтачивает мои силы. Но другого выхода нет. Если я

не оправдаю помощи этого змея, я превращусь в кровавую пыль, если он не придумает что похуже.

«Эй, змей? Ты меня слышишь? – мысленно воззвал он к своему потустороннему покровителю».

«Я все время здесь, колдун, – пророкотал в голос в голове отшельника, – Чего ты хочешь?»

– Я уже на пути к нашей общей цели, – чародей подошел к котлу с водой и увидел там знакомый лик, – но мои силы тают. Если они иссякнут, то ты даже не сможешь забрать свою плату.

– Что ты хочешь этим сказать? – ответило ему изображение.

– Мне нужна подпитка, – заявил отшельник, – Сложные и могущественные заклинания требуют больше сил. Того, что у меня осталось, хватит самое большое на парочку молний.

– Я понял тебя, – кивнул змей, – получай свою подпитку, но помни, что плата увеличилась.

Чародей почувствовал, что его наполняет таинственная сила, голова прояснилась, а тело будто бы стало лет на десять моложе. Увидев, что способен на многое, колдун вышел из пещеры и пошел в направлении четырех вышек, стоящих за частоколом на юго-востоке. Ночь была тихая и звездная, поэтому он пошел в том направлении, которое ему указывало созвездие Собачьего Хвоста.

Глава 5

Следующая важная остановка Мечислава пришлась на перекресток трех дорог на юге Трехречья. Если пройти на восток, то попадешь в сравнительно небольшую деревню, именуемую Хутором, дорога на север вела к крепости Угол, охраняющей Трехречье, и далее – в Стрелец, столицу княжества. Южное же направление вело в Приграничье, откуда и пришел юноша.

Когда Долина только-только была освоена, решением князя Пересвета была построена дорога, соединяющая все важные точки Долины, чтобы можно было быстро посылать поселениям и крепостям продовольственную или военную поддержку.

Устроившись за большим сугробом, аккуратно рядом с перекрестком, воин устроил себе ночлег. Поджечь Хутор было сложным делом: слишком близко располагались крепость и столица, слишком велика была преданность жителей Градимиру и слишком быстро жители сплывались, почуяв опасность. Дело усложнялось еще и потому, что сторонников придется искать в самом Хуторе – не было поблизости лесов, в которых могли прятаться общины, подобные той, что Мечислав повстречал в Чернолесье. К тому же, старостой был Радогост – бывший дружинник, отличавшийся не только силой, но и живым и необычайно цепким умом, а также весьма

быстрыми решениями на пресечение всяких беспорядков.

«Поселяться придется в краю, – подумал юноша, – если вдруг что-то пойдет не так, будет больше вероятность убежать. Пробираться через полные дозоров улицы – себе дороже»

Привычно расчистив себе место для ночлега, и обустроив место, воин заснул.

Проснувшись, Мечислав, как обычно, собрал походные принадлежности и пошел по дороге в Хутор. Деревни он достиг уже затемно. Перед воротами стояли двое стражей. Увидев юношу, они потянулись к висящим на поясе мечам.

– Кто таков? – спросил один из них.

– Путник, иду на север, – ответил воин, – проходил мимо, решил переночевать здесь несколько дней.

– Ишь ты, – хмыкнул второй, – Чавой-то ты странно выглядишь, путник. Подойди-ка к огню, мил человек.

Мечислав подошел поближе к висящему сбоку ворот факелу. Свет от пламени осветил покрытую капюшоном голову, железную маску на лице, а также щит с гербом Трехречья и висящие на поясе ножны с мечом.

– Та-ак, – протянул тот, что спрашивал первым, – И впрямь, странный ты для путника. Морда у тебя блестит, ровно из железа сделана. Капор глубокий, опять же и щит вон с мечом. Чует мое сердце, где-то нас объегорить пытаешься, друже. Снимай-ка капор свой.

Пожав плечами, воин скинул капюшон с головы, оставив,

тем не менее, маску.

– Э-э, – крикнул второй стражник, – давай-давай, намордник тоже сымай.

– Не могу, – ответил юноша.

– Чаво значит, не можешь? А ну, давай сымай, пока я остальную стражу не свистнул.

– Мое лицо вам не понравится. Собственно, маска как раз для того и надета, чтобы не смущать людей.

– У тебя там шерсть, что ли? – хохотнул первый, – Или пятак, как у свиньи?

– Ни то ни другое, но что-то среднее, – ответил Мечислав.

– Энто как? – удивился тот, который грозился позвать остальных стражников, – Давай сымай намордник. Посмотрим, что там у тебя за пятак мохнатый.

Юноша снял маску, явив стражникам свое бледное с красными глазами лицо.

– Ма-ать честная! – охнул тот, кого, за невозмутимость и отсутствие просторечных выражений, Мечислав посчитал старшим, – Что с лицом-то. Духа, что ль увидел и так и не опомнился.

– Долгая история, – отмахнулся воин, – Есть у вас пустующий дом с краю?

– Есть, – ответил «старший», – как увидишь первые хаты, за ними сразу поверни налево, так вторая справа тебе и сгодится.

Кивнув, юноша пошел обустраиваться.

С рассветом морские ворота столицы отворились, и из города выехал отряд всадников в кольчугах. Вооружение у бойцов была самое разнообразное: простые и двуручные мечи, луки, кинжалы, палицы, топоры. Поскольку солнце еще не встало до конца, и его свет едва-едва начал заливать только не закрытую Рассветными горами южную окраину Трехречья, подробно рассмотреть всадников было невозможно. Однако, было хорошо видно, что на пополах коней изображен сложный узор, представляющий из себя вписанный в восьмиконечную звезду коловрат. Для многих это был просто диковинный, нигде ранее не виданный узор, но сведущие люди знали – такой знак призван напоминать разному народу, населяющему Долину, о его единстве. Обладание им говорило, что его носители облечены всеми полномочиями пресекать разнь между долями. А обладал такими полномочиями лишь один отряд во всей Долине – учрежденная три месяца назад тайная стража. Но в столь ранний час на дорогах людей не было вовсе. Даже те, что не были осведомлены об истинном значении узора, едва только вставали с кроватей, чтобы начать готовить завтрак. Тех же, что знали об этом узоре, было не сыскать днем с огнем.

Отряд двигался с хорошей скоростью, а тропа была проторена. Благодаря этому, всадники при наступлении темноты были уже недалеко от крепости Угол, стерегущей покой Трехречья. От отряда отделился воин на сером в яблоках коне и неторопливым шагом пошел к крепостным воротам.

Примерно в двух саженьях от стен, он остановил коня и спешился. Подойдя к воротам, он несколько раз, с небольшими перерывами, ударил закованным в кольчугу кулаком.

Изнутри крепости донеслось ворчание, но больше ничего не произошло. Видимо, стражник не торопился, поэтому всадник постучал еще несколько раз. Ворчание сменилось ругательствами, и с той стороны послышались шаги. Раздался звук отодвигаемой заслонки.

– Кого еще кот принес? – спросил стражник.

– Это Светозар, – представился путник, – открывай. Мы на ночной постой.

– Ну-ка, дай взгляну на тебя, названный Светозар.

Всадник подошел поближе, встав так, чтобы свет факела хорошо осветил его лицо и латную вставку на кольчуге. Перед стражником предстал мужчина с глазами цвета молодой травы, короткими каштановыми волосами и лицом, словно вытесанным из камня.

– Хм, – отозвался страж, – вроде не разбойник и не мертвяк. Ну, заходи, названный Светозар.

Путник свистнул и к воротам крепости подошли такие же всадники.

– Об одном прошу, друг, – сказал стражу Светозар, – присмотрите за конями до рассвета, нам они еще пригодятся.

– Уж присмотрю, – буркнул страж, – только это самое... местов у нас тут нету для вас.

– Мы на полу переночуем.

Всадники, отдав лошадей на присмотр обитателям крепости, забрали с них попоны и прочие походные принадлежности и разместились недалеко от костра.

Опустошившая Страж толпа, после того, как удовлетворила жажду крови, покинула стены крепости, оставив за собой лишь кровь и мертвые тела бойцов. Тени, что помогли им перебить обитателей крепости, куда-то исчезли, растворившись в ночном мраке. Выйдя за пределы ворот, единый поток дрогнул. Одни стремились на запад, другие – на север.

– Вы не можете просто так взять и вернуться! – настаивал один из проповедников.

– Это почему же? – ответил ему староста, – Из крепости больше никто жечь да убивать не придет. Некому. А идти дальше на север, мы не соглашались.

Старосту поддержал нестройный хор сельчан. Все говорили, что, дескать, если пришли из Стража, то больше не придут. А больше причин устраивать свару с дружиной, нет.

– Вот именно, – кивнул староста, – Нас и за это по головке не погладят. Скорее – настучат по ней. А вы предлагаете наше положение еще хуже сделать? Нет, друг, так дело не пойдет. Мы возвращаемся.

– Если вы так боитесь, что правитель вас накажет, то начните устанавливать правила сами! – крикнул второй проповедник.

– И кто же будет их устанавливать, мил человек? – не уступал староста, – Я? Ты? Может, кто-то из этих вот?

Глава деревни обвел широким жестом белых плащей.

– Пусть идут, – одернул назревающее недовольство «плащей» первый проповедник.

– Но, как же так? – возмутился второй, – Мы что, теперь будем отпускать всех, кто с нами одной кровью повязан?

– Им так и так станет хуже, – на каменном лице первого отобразилась мрачная усмешка, которая совершенно не вязалась в берестяно-белым цветом кожи, – Всем собраться, и двигаем на север.

Когда все белые плащи собрались, проповедник повел отряд, терявшийся среди заснеженной тропы, в сторону реки Змея, служившей границей между суровым Приграничем и относительно приветливым Трехречьем. Когда снег лизнули первые лучи скрывающегося за пепельно-серой пеленой солнца, отряд уже достиг восстановленного моста через реку. Дальше на север тянулось Трехречье.

К тому времени, как стемнело, волхв был уже почти на полпути к цели – старой обрядной площадке, на которой стояли вышки с чашами на вершине. Когда-то эти вышки были дозорными, но чем больше нечестивцев хоронили в этих местах, тем больше давила на обитателей сама среда. Когда бойцы «Черной Дружины» ушли оттуда, огонь в чашах еще горел, пока позволял запас дров, заложенный обитателями. Когда все дрова обратись в золу, на площадке стал гулять ветер.

Были, конечно, отдельные смельчаки, которые по тем или

инным причинам пытались заселиться в этих проклятых все-ми или почти всеми богами местах. Однако уже вскоре желающих селиться здесь поубавилось, а еще немного времени спустя, их количество сошло на нет. Причиной тому было то, что по неведомым причинам из земли самопроизвольно просачивались духи или выкапывались покойники. Вот так живет человек, сам не подозревая об опасности. Вдруг буквально в сажени, а то и в нескольких пядях от порога, начинает куриться зеленоватый дымок, или вспучивается бугорок земли. Затем земля осыпается, и из-под нее выглядывает существо, лишь отдаленно напоминающее человека: спутанная копна волос, бледный лик, длинные ногти, больше похо-дящие на когти и налитые кровью глаза, в которых читает-ся жажда этой самой крови. На северо-востоке, в лесу, даже есть небольшая деревенька, состоящая целиком из пустую-щих домов. Сколько ни лили над Могильником дожди, сколь-ни шли снега, порой насыпающие сугробы почти под окна, так и не смогли они смыть пятна крови, обильно разбро-санные по полам, стенам и дорожкам между домами.

«Сейчас же, я попытаюсь зажечь эти чаши снова, – по-думал Световид, – но не как знак надежды или отчаяния. Мне нужна дополнительная сила, чтобы докончить замысел. Один я не смогу поднять полчища местных тварей и подчи-нить их себе. Боюсь, даже змей не даст мне такой силы. А ес-ли и даст, расплата окажется непомерной».

Остановился колдун как раз приблизительно в дне пути

от той самой деревни в мертвом лесу. В жилой части Долины в это время обязательно слышны какие-нибудь звуки: лают собаки, мычат в хлеву коровы, запоздалые погонщики подгоняют лошадей, чтобы успеть до того, как ночь окончательно вступит в свои права. В этих же землях не услышишь даже уханья филина или воя волков. Единственные звуки, которые здесь можно услышать – шум ветра, разрезаемого сухими ветвями мертвых деревьев, а летом, в ненастье – шум дождя и раскаты грома. Именно поэтому те воины «Черной Дружины», что приняли свое бремя первой линии обороны от нечистой силы, со временем предпочитают забраться туда, где ею земля буквально кишит, чтобы принять свой последний бой. Они предпочитают умереть, чем медленно терять рассудок от тишины, нарушаемой лишь погодой.

Глава 6

Когда лучи все еще заслоненного облаками солнца проникли в дом, где ночевал Мечислав, юноша встал и пошел искать старосту деревни – чтобы «поджечь» и эти земли, ему нужен народ, а простого путника слушать никто не станет. Старосту воин нашел возле хлева, откуда тот выносил солому. Дождавшись, когда староста скинет ее, занесет свежую и постелет на пол, Мечислав прокашлялся и сказал:

– Староста, ты не мог бы собрать местных?

– Зачем это? – обернулся, глава деревни, и латные доспехи посветлели. Мечислав был уверен, что в солнечную погоду они бы ослепительно сияли. Было видно, что их хозяин постоянно ухаживает за ними.

– У меня к ним важные новости. Дело касается безопасности Хутора.

– Так-так, – протянул староста, поправляя ремень. Юноша увидел притороченные к нему ножны с мечом, – Что же это ты такое принес, голубь сизокрылый, что едва проорали петухи, ты собираешься не просто поднять всю деревню, а еще собрать всех в одном месте? Слыхал я, какие вести три месяца тому донесли до Гулевища. Хорошо так донесли, даже возражающих не осталось. Согласных и воздержавшихся, впрочем, тоже. Так что выкладывай.

– Возможно, вскоре на Хутор попытаются напасть. С юга.

Я видел их перемещения. Нужно подготовиться.

– Не темни, голубь, – ладонь старосты недвусмысленно легла на рукоять меча, – Кто? Сколько их? Куда идут? Где видел? Рассказывай, а то все это похоже на попытку раскатать деревню. А у меня есть все полномочия, чтобы предавать подобных смутьянов мечу.

– Как тебе будет угодно, староста, – вздохнул Мечислав, – Недалеко от истребленного несколько месяцев назад Гулевища я видел людей в белых плащах. Некоторые вооружены небольшими косами, у других оружия не заметил, но наверняка есть и у них. Точное количество назвать не могу, но судя тому, что видел, около двух десятков, может, и больше. Шли по главной дороге, которая тянется через все Приграничье, в направлении Стража. С ними были деревенские, сколько их – сказать затрудняюсь, даже примерно. Настроены они были враждебно. Не исключено, что они двинутся дальше на север – сюда, в Трехречье. Первой попасть под удар грозит как раз вашей деревне.

– Говоришь, настроены были враждебно, – староста все также подозрительно смотрел на гостя, но руку от меча убрал, – как же ты тогда от них живым-то ушел?

– Я их увидел издали, я аккурат снимался с ночной стоянки, когда увидел, как они идут мимо.

– Почему не предупредил дружинников в Страже?

– А как я это мог сделать, – пожал плечами воин, – с таким-то лицом?

Юноша стянул с головы капюшон, а затем – снял с лица маску. Староста увидел бледную, как мел, кожу и глаза цвета запекшейся крови.

– Да, брат, – покачал головой староста, – думаю, с таким лицом тебя вряд ли послушали бы. В общем, так: тут недалеко от ремесленной слободы есть площадка. Мы там собрания проводим. Ты подожди там, а я сельчан соберу, чувствую, придется снова ополчение устраивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.